

ЛЮБОВЬ — МАРАФОН, А НЕ СПРИНТ

Владимир Дашкевич пишет музыку Про Это

ГЕНАДИЙ ЧЕРКАСОВ

В Малом зале Московской консерватории прошла премьера Второго квартета Владимира Дашкевича в исполнении Квартета имени Шостаковича. Публика, до отказа заполнившая зал, приняла сочинение с восторгом. Еще бы — вопреки представлениям слушателей о современной "серьезной" музыке, которую нормальный человек просто не в состоянии воспринять, как говорится, "без поллитры", квартет Дашкевича прозвучал так доступно, с такой обнаженной откровенностью и далеко не простой эмоциональностью, на которую способен только очень талантливый музыкант и очень смелый человек. Не зря Дашкевич в свое время занимался парашютным спортом. А теперь еще взял да и изложил принципы своего композиторского творчества в двухстраничной листовке под названием "Моя система" — ну прямо как с парашютом прыгнул.

— Музыке издревле свойственны два необходимых качества — запоминаемость и проблемность. В XX веке произошла трагедия: серьезная музыка в погоне за проблемностью утратила запоминаемость. Мы можем много говорить о великих именах — Шенберг, Пендерецкий, Веберн, а написанные ими мотивчики спеть не получится. Их не могут воспроизвести даже солисты, которые играют современную музыку по нотам. Никогда такого не было в практике. Представьте, если артист выйдет на сцену с листком и прочтет: "Быть или не быть".

— Уютно ли вы себя чувствуете, видя свое имя на афише рядом с Шостаковичем и Шуманом?

— Каждый композитор должен стараться конкурировать с великими, выходя на беговую дорожку с людьми, которые показывают предельные скорости. Иначе тебе на этой дорожке нечего делать. Я за то, чтобы музыка была проблемной. Но когда группа музыкантов играет друг другу свои сочинения, а публика им просто не нужна, она выключена из этого процесса, то это тот нафталин, который вот уже вторую сотню лет называется авангардом.

— Какие проблемы вы поставили в своем Втором квартете?

— Те же, что Шуман, Шуберт, Моцарт. Этот квартет называется "Последняя любовь" — так же, как стихотворение Тютчева. Оно начинается словами "О, как на склоне наших лет нежней мы любим и суеверней, сияй, сияй, прощальный свет любви последней, зари вечерней". И кончается так: "Ты и блаженство, и безнадежность". Для меня это принципиально — написать музыку с непосредственным, обнаженным высказыванием. Так, как это делали двести лет назад.

— "Последняя любовь"... Можно поду-

мать, что вы, подобно многим мужчинам зрелого возраста, недавно встретили молодую женщину и посвятили ей свое сочинение.

— Квартет посвящается Оле Циголевой, моей жене. Это история любви, достаточно сложная, и мрачная, и светлая. Маяковский написал поэму "Про это". Мой квартет тоже "Про это". Не все люди понимают, что про любовь можно говорить только тогда, когда это длинная история. В любви можно быть спринтером, а можно быть марафонцем. Когда марафонец пробегает 42 километра, он способен прочувствовать и понять дистанцию. А у спринтера только пятки сверкают — он даже и

не понимает, что бежит. Историю любви могут понять только марафонцы.

— И сколько лет вы вместе?

— 37 лет.

— Ну а свою первую любовь вы помните?

— Конечно. Это было в первом классе. В виде выражения глубокого чувства я положил кирпич на голову своей избранницы в полной уверенности, что она меня поймет.

— Когда фильм Александра Адабашьяна "Азazel" с вашей музыкой рекламировали на ТВ, то заявили, что саундтрек к нему писали какие-то модные поп-группы. Вы об этом знали?

— Для нас — и для меня, и для режиссера — это был нерадостный сюрприз. В том виде, в котором Чайф, Чичерина, Гребенщиков, Сукачев и другие были представлены на саундтреке, они оказались чужеродными интонации фильма. Какой-то странный человек по имени Иванов пел высоким, отморозженным голосом ариозо Ленского, оставив тревожное ощущение, что его каким-то особым образом употребили где-то там, на зоне. Гребенщиков со своим романсом, возможно, более всего вписался бы в ткань фильма, но опять-таки не в том варианте, в котором это было записано: у него короткое дыхание, и получалось, что поет астматик, у которого вот-вот наступит отек легких. Кончилась эта история тем, что на финальных титрах остался кусочек этого романса длиной в 35 секунд. За это время Рихтер только бы успел усесться за рояль.

— Перед Новым годом вышел фильм Татарского с вашей музыкой "Ниро Вульф и Арчи Гудвин". Классика мирового детектива — не было у вас ассоциаций с "Шерлоком Холмсом"?

— Да, я действительно написал к этому фильму тему, которая напоминает "перевернутую" детективную тему из "Холмса". И многие это заметили. За последнее время у меня вообще было много работ на ТВ и в кино: мелодрама Суриковой "Только раз бывает в жизни встреча", "Пятый угол" Газарова, "Любовь.RU", "Остановка по требованию-2". Еще у меня на выпуске карти-

на Игоря Масленникова "Письма к Эльзе" по сценарию Аркадия Высоцкого. История о неприкаянной девочке, у которой очень странный разлад с окружающим миром. Это очень интересная поэтическая работа, с грустным финалом, не банальная для отечественного кино. Там очень много музыки, которую я писал для настоящего симфонического оркестра.

— Такая интенсивная работа в кино не мешает серьезному творчеству?

— Я считаю, что композитор должен писать много. Мне, например, понятно, почему Моцарт хорошо писал — потому что он все время этим занимался. Композитор — как хирург, который постоянно должен практиковать.

— У вас есть режим работы?

— Есть — работать всегда. В том числе и ночью. Во сне приходят самые лучшие суперидеи. И тогда надо вставать, подходить к письменному столу и записывать — в три, четыре часа ночи. Это для меня как ритуал. Ведь почти все свои темы я услышал во сне. Все остальное — это уже техническая работа, которой очень много у композитора. Пушкинский Сальери говорит о Моцарте: "Гуляка праздный". Это невозможно! Известно, что Моцарт не только сам записывал свои партитуры, но и партии отдельных инструментов самлично выписывал. А это занимает минимум 10 часов в день, не считая концертов, репетиций и собственно творчества. Так что какой там гуляка праздный...

— Среди ваших последних достижений — абсолютная победа на соревновании по шахматным поддавкам, которую организует редакция "МК". Чтобы выиграть в поддавки, надо хорошо играть в шахматы или плохо?

— После этого выигрыша меня называли самым крупным поддавальщиком мира и его окрестностей. А играть надо хорошо. И игра эта сложная. Лучшей партией на турнире была партия Павла Гусева и Леонида Абалкина. Гусев сделал шикарную, необычную комбинацию и выиграл. Это была красивая игра. Музыка — это ведь тоже игра. Так и говорят — музыкант играет. На черных, на белых, в мажоре, в миноре. Он играет со своими слушателями, в этой игре есть и азарт, и темперамент. Это состояние, которое должно заражать людей. Музыка, в которой нет игры, — это скучно.

— Ну а когда вы пишете понятную для слушателей музыку — это не поддавки?

— Если я не нарисую слушателю правила игры с самого начала, он не поймет меня. Я могу с ним играть только тогда, когда он будет меня понимать. Лучшие игроки в шахматы — бильярдисты, которые легко могут выиграть с помощью удара бильярдным кием. Но вряд ли это доставит кому-то удовольствие.

Екатерина КРЕТОВА.